

ствовать нахождению единого языка между представителями науки и Церкви, ибо кризисное состояние мира, угрозы глобализации обязывают Церковь дать глубокую оценку по широкому спектру проблем и основных тенденций развития современной России.

И в этом контексте, во имя духовной безопасности страны и роста национального самосознания, религиозно-мировоззренческие вопросы становятся приоритетными.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. Троицкое слово, 2001. С. 34–38, 62–65, 98–99, 139.

Экзотика – XXI век // По материалам Междунар. науч. конгресса (23–27 дек. 2002 г.). М.: Чистые воды, 2004, 238–240.

Митрополит Филарет (Дроздов). Собрание мнений и отзывов. М. Т. 5, ч. 1. С. 48.

Пирогов Н. И. Соч. СПб., 1988. Т. 1. С. 175, 182.

Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской православной церкви. М.: Даниловский благовестник, 2000. С. 161–164.

Прот. Николай Лаурук. Экклесиология в Апокалипсисе и соборных посланиях Иоанна Богослова. Прешов, 1999. С. 147.

О. Ю. Медведева
г. Екатеринбург

РЕНЕССАНС ПРОСВЕЩЕНИЯ, ИЛИ НОСТАЛЬГИЯ ПО РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Зигзагообразность исторического и духовного развития человечества ошеломляет. Эпоха классического Просвещения с ее панлогизмом, апофеозом рациональности и эйфорией по поводу всемогущества Разума, Науки и Человека и неизбежным в силу этого историческим оптимизмом смешалась эпохой кризиса научной рациональности, постмодернистским безбрежным релятивизмом, культурологизированием вместо строгого философствования и, по большей части, историческим пессимизмом.

Как и следовало ожидать, в силу особенностей «человеческой природы», а также диалектичности мышления, Разум был обвинен во всех тяжких грехах, а наука в значительной степени потеряла гносеологический и моральный авторитет, перестав претендовать на лидерство в духовной жизни общества. Как известно, свято место пусто не бывает, и в общественном сознании с последней четверти прошлого века происходит вполне ощутимый сдвиг в сторону иррационального мироощущения и оккультизма во всевозможных вариантах. Современная культура лишается своих рационально-целевых и ценностных оснований. В результате социо-

культурная ситуация сегодня, в частности в России, чревата опасностями для всякой рациональности, включая научную. Научное знание и его представители оказались на периферии культуры. Научное прогнозирование не дополняется (что было бы нормальным), а заменяется предсказаниями и пророчествами колдунов, магов, астрологов и прорицателей, численность которых увеличивается с невероятной скоростью, а самореклама поражает своей напористостью.

Разум — одна из базовых категорий европейской и мировой философии начиная с Платона и Аристотеля — оказывается сегодня за бортом актуальной философской тематики. Понятия «научное знание», «научная истина» и т. п. вытесняются из современного дискурса — научного, околонаучного и обыденного — понятием «информация». Да, мы живем в условиях формирующегося информационного общества, информационной цивилизации. Но без науки — теоретической и прикладной — этот новый тип цивилизации не мог бы возникнуть. Более того, основным ресурсом постиндустриального общества и хозяйства выступает не капитал, а *знание* (не информация!), эта величайшая культурная ценность и благо. В этом смысле будущая цивилизация — цивилизация знания.

Сегодня мы наблюдаем странную картину: информационный бум, новейшие информационные технологии, подчас превращаемые в фетиш, калейдоскоп виртуальных впечатлений, с одной стороны, а с другой — отсутствие фундаментальных знаний, четко простроенной научной картины мира и элементарной общекультурной грамотности (особенно, к сожалению, у молодого поколения NEXT). Плотность информационного поля вокруг современного человека все больше, а духа, духовной глубины и зрелости внутри него — все меньше. По образному замечанию одного из участников «Круглого стола», организованного редакцией журнала «Вопросы философии» и посвященного теме «Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре», В. Н. Поруса, наблюдается некая «невыносимая легкость духовного бытия», его пугающая истонченность (Вопр. философии. 2003. №12. С. 42). Гигабайты «полезной» информации, которая чаще всего является «скоропортящимся продуктом» в отличие от долгосрочных знаний, падают на «целомудреннее» в культурном отношении души тех, кто рожден в постиндустриальную, постмодернистскую эпоху.

Некоторые специалисты, работающие в сфере новейших информационных технологий в образовании, приходят к выводу, что теоретическое рациональное мышление в эпоху Интернета в том

виде, в котором он существует ныне, становится невозможным. Это связано с тем, что интернет выступает квинтэссенцией постмодернистского строя мышления и стиля жизни. Приметами и интернетской, и постмодернистской реальностей являются «аксиологический плюрализм, смешение разных традиций и норм, сознательное изменение и трансформация предельных полюсов, задающих привычные ориентиры в жизни человека; клиповость, интертекстуальность и цитатность; стилевой синкретизм, смешение жанров — высокого и низкого, неопределенность, культ неясностей, ошибок, пропусков...» (Громыко Н. В. Интернет и постмодернизм — их значение для современного образования // Вопр. философии. 2002. №2. С. 175).

В результате формируется особый тип личности, для которого потребление, в том числе информации, становится самоценным, превращается в смысл и оправдание его бытия. Более того, привычка к языковым играм и скоростным информационным потокам может вызвать непоправимые деструкции в мышлении: породить хаотичность, клиповость, фрагментарность восприятия мира, разрушить способность сосредотачиваться и удерживать в сознании какой-то один идеальный объект. Поэтому, наряду с очевидными плюсами, информатизация образования в ее нынешнем виде также ведет и к ощутимым потерям, в частности, к отказу от ценностей теоретического мышления и целевого проектирования. «Скачивание» информации по практически любому вопросу отбивает у учащихся интерес и способность к самостоятельному поиску и открытию. Появляется возможность стать более эрудированным, но все менее знающим.

Безусловно, не стоит при этом забывать, что интернет — это лишь средство, которое при определенных условиях может стать мощным орудием просвещения и формирования творческого теоретического мышления. По мнению специалистов, это становится возможным в том случае, когда «предъявление оснований» становится исходным условием взаимодействия и входит в саму культуру ведения интернет-диалога. Примером может стать модель интернет-общения, которую выстраивают современные исследователи в рамках инновационных образовательных сетей по исследовательской педагогике.

Постмодернизм, как известно, предполагает методологический и теоретический плюрализм, отрицает системность и метатеорию, отвергает внятные критерии Истины, Добра и Красоты. Чтобы не потеряться в этой плюралистической реальности сегодня, как никогда, возрастает необходимость фундаментального научного зна-

ния (перекося в сторону прикладного, технологического знания и, как следствие, технологичного стиля поведения, на мой взгляд, очевиден) и фундаментального образования. Такое образование предполагает в качестве ядра классические фундаментальные науки и вокруг этого ядра — относительно подвижную оболочку меняющегося, технологического, оперативного знания («на злобу дня»). На то она и классика, чтобы к ней постоянно возвращаться и от нее «плясать».

Важнейший элемент классики — научная рациональность, теоретическое мышление. Именно поэтому сохранение и развитие «тонуса рациональности», культуры рационального мышления в современном общественном сознании есть обязательное условие развития цивилизации. *Рациональность выступает важнейшей составляющей духовности.* Пора отказаться от постклассического их противопоставления. Оставляя сюжет о нюансах научной рациональности и специфике рациональности гуманитарной за рамками нашего разговора, заметим, что никакая общая гуманитаризация образования (которая на деле часто сводится, к сожалению, к механическому увеличению числа гуманитарных дисциплин, либо к замене строгой научной рефлексии общим «трепом» на гуманитарные темы), а также фанатичная ориентация школы — средней и, особенно, высшей — на рыночный спрос не должны вытеснить приоритетную задачу выработки навыков рационального мышления. Актуальность этой задачи сегодня возрастает в связи с тем, что в современной культуре стираются различия между наукой и псевдонаукой, истиной и заблуждением, «разница между «непросвещенной чернью» и «просвещенным гражданином», между дилетантами и экспертами исчезает и превращается в конкуренцию различных экспертов» (Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 256). В таких мировоззренческих «сумерках» можно легко и непринужденно превратить науку из орудия просвещения в средство оболванивания и манипуляции.

Трагический парадокс заключается в том, что став, начиная с эпохи классического Просвещения, органичным элементом мировоззрения, наука снабдила своими методами, стилем, наукообразным языком и все другие сферы культуры, включая идеологию, вненаучное и антинаучное (!) знание, общественные предрассудки вообще. При этом сейчас все они обращаются к науке, чтобы по сути отвергнуть основные ее требования и критерии. Ссылки на науку становятся скорее расхожим штампом, неким ритуальным действием, реверансом в сторону традиции.

В этих условиях проблема популяризации научных знаний, внедрение научной картины мира и образцов научной рациональности в профессиональное и обыденное сознание становится важнейшей составляющей постиндустриального Просвещения. Популяризация науки предполагает не только и не столько усвоение внешних стилевых примет научного мышления (этому мы уже научились), а содержательную процедуру формирования навыков научной рациональности и усвоение фундаментальных оснований современной научной картины мира. Естественно, этим предназначено заниматься прежде всего системе образования. Именно здесь идеалы научности превращаются в парадигму дисциплинарного знания, в пору социального института образования. Наряду с этим в нашей отечественной социокультурной ситуации актуализируется проблема целенаправленного просветительства как популяризации не только художественных и религиозных ценностей, но и научных. Можно ли было предположить еще в середине прошлого столетия, что популяризация науки в нашей стране практически сойдет на нет!? Конечно, можно утверждать, что наука самодостаточна и не пужается в рекламе. Однако этот тезис не является самоочевидным, как это ни парадоксально, в постиндустриальном, информационном обществе. В условиях жесткой конкуренции по сути равнозначных сегодня форм знания и духовных практик, лидирующее положение в системе мировоззрения обеспечивается абсолютно сознательными, целенаправленными общественными усилиями, подкрепленными целым арсеналом новейших PR-технологий и старых традиционных способов популяризации знаний. Если проанализировать в этом ключе структуру эфирного времени ведущих отечественных радио- и телеканалов, в ней практически нет передач, посвященных науке и людям науки, за исключением ряда передач, посвященных истории, географии и животному миру, которые сделаны в развлекательно-занимательном ключе. Редкие серьезные передачи, посвященные актуальным проблемам современной науки, не попадают в прайм-тайм. Научно-популярные издания — серийные и периодические — перестали быть популярными, и в целом этот жанр литературы практически сегодня не существует в нашей стране.

Особое место в просветительской литературе занимает научно-художественная литература, которая, как и научно-популярная, требует возрождения. В наиболее талантливых произведениях этого жанра на первый план выдвигается человеческая сторона науки. Автор научно-художественного произведения стремится «обнажить» мыслящий мозг и сердце ученого, идущего к великому от-

крытию, показать поэтику и нравственные основания научного творчества. В итоге научная картина мира предстает в данной литературе не как завершенная канонизированная система знаний (как в образовательном процессе), а как становящиеся в драматическом процессе познания идеалы и нормы научного способа видения мира. Научная истина в этих произведениях неразрывно связана с идеалами Добра и Красоты, что вводит в научно-художественную литературу духовную компоненту науки. На самом деле наука вырабатывает не только «правила для руководства ума», но также высокие образцы нравственного поведения по отношению к обществу, другим, самому себе.

Завершить разговор хотелось бы на оптимистичной ноте. Низвержение науки и связанных с ней научной рациональности и теоретического фундаментального знания с пьедестала обернулось для нее спасительной саморефлексией, обращением к собственным основаниям и самоопределению в новом социокультурном пространстве. Разум и Наука остаются основными гарантами успешного развития и общества, и отдельной личности. Более того, в нашей, порой абсурдистской реальности (о-о-о, этот безумный, безумный, безумный мир!!!), с мировоззренческими оборотнями и глобальными катастрофами, роль Разума, Науки и Просвещения возрастает как никогда. Именно синтез научной рациональности и духовности может также задать истинно человеческий смысл применению современных технологий.

О. В. Коркунова
г. Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ ВНЕНАУЧНОГО СПОСОБА ОСВОЕНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКОМ В ТЕОСОФИИ

Науку можно охарактеризовать как ту дорогу к истине, которую выстраивает цивилизация. В ней мы видим совершенствование понятийного аппарата, инструментария, процедур и языка научных исследований, что позволяет человеку посредством науки осваивать мир и теоретически, и практически с контролируемой степенью постижения его сущности и закономерностей. Наука, как основная магистраль, по которой движется познание мира человеком, обладает приоритетом и высокой ценностью. Но существуют и другие пути освоения мира человеком, которые в совокупности можно назвать вненаучными. Это и искусство, и религия, и эзотеризм. Каждый из них обладает специфическими особенностями,